

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody

Has been issued since 2006.

ISSN: 2073-9745

E-ISSN: 2310-0028

Vol. 37, Is. 3, pp. 623-632, 2015

<http://bg.sutr.ru/>

UDC 94

Law, Imperial Bureaucracy and Russian Jews Beyond the Pale of Settlement in 19 – Beginning of the 20th Centuries

¹ Vladimir N. Shaidurov

² Ekaterina S. Norkina

¹ National Mineral Resources University (Mining University), Russian Federation

Department of History

St. Petersburg 21st Line, Vasil'evskii Island, 2

PhD (History), Assistant Professor

E-mail: s-w-n@mail.ru

² St-Petersburg State University, Russian Federation

Department for Jewish Culture

PhD (History), Lecturer

E-mail: Norichmail@yandex.ru

Abstract

Studies into history of regional Jewish communities in the Russian Empire in the period between the 19th and early 20th century have so far been extremely erratic. There are topics that have rarely come into focus of Russian, Israeli and American Jewish studies. North Caucasus and Siberia were not included in the Pale of Settlement. The Jews who lived in Siberia as in North Caucasus had a specific legal status. Discrepancies in the national and regional laws adversely affected the lives and activities of local Jewish communities. Not only did the laws determine areas where Jews were permitted to reside, but also those sectors of the economy in which they could work. Law-making in the 19th and early 20th century regarding the Jewish population of Siberia and North Caucasus had no general trend and was subject to change from conservative to liberal character, depending on the state's national policy. In this article, we will make use of specific examples and comparative analyse to look at the dynamics of the Russian laws on Jews of Siberia and North Caucasus in the 19th and early 20th century. This article is based on archival materials and acts of legislation.

Keywords: Jews, Siberia, North Caucasus, Pale of Settlement, segregation, exile, subbothnicks.

Введение

Гражданско-правовой статус еврейского населения в Российской империи включал в себя несколько аспектов: один касался права на проживание в определенных губерниях, другой аспект был сопряжен с хозяйственной деятельностью евреев, третий регламентировал организацию внутриобщинной жизни.

Региональные еврейские (ашкеназские) общины в Российской империи XIX – начала XX в. за пределами черты оседлости (Северный Кавказ, Сибирь, Дальний Восток и др.) не раз становилась объектом исследования в XIX – начале XXI в. Традиционно при рассмотрении проблем гражданско-правового характера историки делали акцент на притеснение евреев властью. В последние годы появилась тенденция изучать законотворческий процесс и правоприменение в русской иудаике в более широком контексте: с учетом неоднозначности «еврейской политики» власти и расхождения мнения ее представителей на разных уровнях в процессе разработки и применения законов [1-6]. Чрезвычайно перспективным представляется изучение дифференциации еврейской политики в различных регионах Российской империи в разные исторические эпохи.

Методы и источники

Основой нашего исследования является сравнительный анализ гражданско-правового статуса еврейского (ашкеназского) населения в регионах Российской империи вне черты оседлости (Сибирь, Северный Кавказ). Мы исходим из того, что общеимперское законодательство о евреях имело в своем правоприменении региональные особенности. Не последнюю роль в этом сыграли представители местной администрации, определявшие характер региональной политики. Попытка сопоставления ситуации в двух регионах позволит лучше понять природу законов Российской империи и их функционирования в еврейском вопросе.

Основными источниками стали опубликованные законодательные акты (Полное собрание законов Российской империи), неопубликованные делопроизводственные материалы из фондов региональных архивов, а также материалы периодической печати рубежа XIX–XX в.

Исследование

Присоединение в последней трети XVIII в. территорий Речи Посполитой, на которой проживало не менее полумиллиона евреев, подтолкнуло русские власти в активной законотворческой деятельности. На рубеже XVIII–XIX в. законодательно была оформлена так называемая черта оседлости, включавшая в себя западные губернии, в которых было разрешено проживание евреев. За ее пределами они могли находиться только временно, получив от губернских властей срочный паспорт. Принятие устава о евреях в 1804 г. привело к регламентации внутриобщинной жизни и хозяйственной деятельности. Это были первые шаги в оформлении сегрегационного положения русских евреев.

Однако практика показывает, что, несмотря на высокий уровень бюрократизации в России первой четверти XIX в., имелись расхождения в букве и духе сегрегационных законов. Так, в первой четверти XIX в. евреи проживали за чертой оседлости: в Симбирской, Рязанской, Костромской, Московской, Нижегородской губерниях, а также на территории Северного Кавказа и Сибири, где занимались ремеслом и торговлей [7].

Северный Кавказ был одним из самых пестрых в этническом отношении регионов Российской империи. Этнически многообразное коренное население проживало на этих территориях на протяжении многих веков до распространения российской власти. Появление пришлого населения было инициировано правительством с целью освоения новой территории. Еврейский вопрос на Кавказе не был основным, однако на определенном этапе власть вынуждена была его решать. Согласно «Положению о евреях» 1804 г. Кавказ был в списке губерний, куда евреи купцы, ремесленники, земледельцы имели право приезжать и покупать земли [8, № 21547]. Именно в результате действия этого закона в Ставропольской губернии появились евреи, поселившиеся селениями для занятия хлебопашеством. Временно Кавказ оказался в числе разрешенных для евреев территорий. Однако не всегда это совпадало с повседневной политикой власти. В 1806 г. группа евреев из Черниговской губернии подала прошение министру внутренних дел В.П. Кочубею о разрешении им поселиться на территории Кавказской губернии в качестве земледельцев и о предоставлении им ссуды на обзаведение хозяйством. Поскольку в Херсонской губернии к тому времени были выделены земли для поселения евреев, то, по мнению В.П. Кочубея, надобность в подобном поселении на Кавказе уже отпала [9].

Статус Кавказа изменился в законодательстве, регулирующем положение евреев, уже в 1825 г. В Комитете Министров обсуждался вопрос о запрещении евреям постоянного пребывания в Кавказской области. Члены Комитета Министров отмечали, что «евреи чуждаются, как по опытам известно, земледелия, и не могут принести в сем отношении никакой пользы для края» [10]. Они подчеркивали, что евреи постоянно уклоняются от исполнения законов, а это, в свою очередь в крае, где проходит торговля, нанесет ущерб таможенным сборам и будет причиной подрыва местного купечества [11, № 30404]. Результатом обсуждений явился Сенатский указ 30 июня 1825 г. [11, № 30436]. Начались выселения евреев из многих городов Кавказа.

Противоречивость анти-еврейского законодательства на Кавказе выразилась в том, что с одной стороны, действовал Сенатский указ 30 июня 1825 г, а с другой стороны, Кавказская губерния упоминалась в положении 25 мая 1827 г. в списке местностей, где разрешалось постоянное пребывание евреев. Это вызывало массу юридических коллизий на практике. К необходимости решения вопроса о положении евреев на Кавказе чиновники пришли в связи с дополнительным обстоятельством – существованием субботников (иудействующих). В 1825 г. был издан указ о выселении всех евреев из местностей, в которых проживают иудействующие, и запрещении их постоянного там пребывания [12]. Через Кавказскую область зачастую проезжали евреи, и со стороны чиновников существовали опасения, что они могли остаться навсегда. Начальник Кавказской области, понимая, что действует закон 1827 г., разрешающий проживание евреев на этой территории, все-таки требовал у Главноуправляющего гражданской частью Грузии и Кавказской области барона Г.В. Розена прекратить выдачу билетов евреям, направляющимся из Грузии на проезд в область из-за существования там субботников. Барон Г.В. Розен отмечал, что из Грузии, минуя Кавказ, в Россию попасть невозможно, поэтому предложил выдавать разрешение на проезд через область в случае,

если евреи смогут доказать необходимость проезда. При этом он также требовал строго контролировать, чтобы евреи при проезде через Кавказ не оставались там навсегда [13].

Выселения евреев в 1830-х гг. имели место и в Черномории. Разрешение на временное проживание евреев выдавалось только после получения подтверждения чиновников, что в данной местности не проживают иудействующие. Несмотря на это часто обнаруживались незаконно проживающие на этой территории евреи, а вина за это возлагалась обычно на полицию [14]. Имеются косвенные свидетельства того, что полиция старалась скрывать нелегальное пребывание евреев. Например, в Екатеринодаре после распоряжения о выселении евреев ремесленников в начале 1830-х гг. полиция обратилась к наказному атаману с просьбой о приостановлении выселений, однако чиновник следовал букве закона [15]. В дальнейшем местные власти неоднократно подавали прошения с просьбой оставить в виде исключения или вернуть евреев - ремесленников. Однако не всегда прошения удовлетворялись в вышестоящих инстанциях.

До начала 1820-х гг. еврейский вопрос в границах сибирских губерний не поднимался. Но вскоре ситуация изменилась. Это было связано с активным участием евреев в незаконной торговле самородным и россыпным золотом, которая приобрела большой размах к середине 1820-х гг. Именно это предопределило дальнейшую судьбу сибирского еврейского населения.

Приезд Александра I на уральские заводы позволил местным властям начать радикальную борьбу с «еврейским злом». Уже 19 декабря 1824 г. появилось секретное предписание, по которому с целью предотвращения хищения евреями драгоценных металлов и «растления местного населения» запрещено было иудеям селиться в уральских казенных и частных заводах и Алтайском горном округе [16].

Внедрение данного циркуляра оказалось в ведении Министерства финансов и Министерства внутренних дел. В дальнейшем к его исполнению были привлечены чиновники Кабинета Его Императорского Величества.

В конце января 1825 г. о результатах проделанной работы начальники горных округов докладывали управляющему Кабинетом графу Гурьеву. Так, из Екатеринбургских горных заводов было выслано 6 евреев [17. Л. 14]. Но более всех букву закона соблюдал начальник Нерчинского горного округа Т. Бурнашев, который, по словам Восточносибирского генерал-губернатора С.Б. Броневского, выслал «из вверенных ему заводов и тех евреев, которые сосланы туда за разные преступления по приговорам судебных мест, выпроводил их в г. Нерчинск и просил начальника Иркутской губернии об устранении евреев в отдаленные места от черты заводской, так и о неназначении впредь таковых в горные заводы» [18. Л. 1 об.].

Вторая половина 1820-х гг. прошла под знаком выселений евреев из приграничных сибирских городов. Уже 9 декабря 1825 г. Западносибирский генерал-губернатор П.М. Капцевич сообщал в Сибирский комитет о проживавших в Омской области евреях и мероприятиях, которые планировалось осуществить в отношении этой группы. О выселении ссыльных евреев во внутренние районы Западной Сибири просили губернатора градоначальники Семипалатинска и Петропавловска. Оба в качестве основного аргумента указывали на их «неблагонадежность» [19. Л. 3 об.].

Подобное негативное отношение к оказавшимся в Сибири евреям базировалось преимущественно на культурном и религиозном подходах, которые выводились из «вредных качеств» евреев: их религиозного «фанатизма» и «паразитирования» на христианах [20, с. 347]. Это вело к появлению местных инициатив, направленных на дальнейшее сокращение численности евреев в регионе. Так, по настоянию Совета Главного Управления Западной Сибири в 1833 г. был утвержден циркуляр МВД «О перечислении евреев в Сибирские губернии», которым впервые официально был введен запрет «свободного перехода евреев для оседлости в Сибирские губернии» и причисления их в различные сословия [21. Л. 38 об.].

Новой вехой в «еврейской политике» имперских властей стали законы середины 1830-х гг. Так, 13 апреля 1835 г. было издано новое Положение о евреях [22, № 8054]. Была определена территория, на которой евреи имели право проживания. Кавказ и Сибирь не были включены в черту оседлости. В 1837 г. вышло два закона, регулирующих права еврейского населения в Сибири и на Кавказе. Под неудачной попыткой переселить тысячи евреев из белорусско-литовских губерний в Сибирь с созданием земледельческих колоний 5 января 1837 г. была подведена черта в виде введения запрета на водворение евреев в Сибирь [23, № 9843]. Для сокращения числа евреев власти предпочли пойти механическим путем: было разрешено проживать в губерниях Западной и Восточной Сибири тем из евреев, которые находились в них до появления упомянутого запрета. Это право было распространено и на их потомство.

В мае 1837 г. было издано Положение «О евреях, в Грузии, Кавказской и Закавказской областях пребывающих». Толчком к разработке и принятию положения стало отношение главнокомандующего Грузией, Кавказской и Закавказской областями о затруднениях при выселении евреев: «ибо многие из них живут целыми селениями, обзавелись хозяйством и занимаются хлебопашеством» [23, № 10255]. В результате было решено их не выселять. В наиболее выгодном положении оказались ремесленники, в которых регион испытывал острую нужду, а потому этой категории было разрешено временное пребывание в тех местах «где признан будет в таковых людях недостаток» [Там же].

Согласно закону от 20 сентября 1844 г. евреям-мастерам разрешалось проживание в укреплениях восточного берега Черного моря и портовых городах Новороссийске, Анапе и Сухумкале под строгим наблюдением Начальника Черноморской береговой линии, но лишь временно, с тем, чтобы «под видом временного жительства не делали там постоянных поселений» [24, 18234]. Инициатором разрешения пребывать здесь выступил начальник Черноморской береговой линии. Он указывал на то, что евреи в этих укреплениях являются единственными сапожниками и мастерами, поскольку.

Законом 5 марта 1848 г. разрешалось приезжать евреям мещанам во внутренние губернии Российской империи только для закупки товаров по особым билетам от городских дум [25, 22057]. Этот указ предоставил дополнительные возможности евреям для временного пребывания за чертой еврейской оседлости. Косвенным свидетельством влияния этого закона на положение евреев Северного Кавказа является разъяснение Сената в отношении обнаружившихся в Черномории нелегально проживавших евреев. Решением Сенат было выселение в 1850 г. из территории Черноморского войска «всех евреев без изъятия» [26. Лл. 2 - 2 об.]. Местной полицией было приказано постоянно следить, чтоб евреи «без надобности на долгое время в городе не оставались» [26. Л. 16]. Очевидно, выселения евреев из Черноморского войска повторялись часто. Об этом свидетельствуют постоянные доклады местной полиции о результатах деятельности по выселению евреев в начале 1850-х гг. [26].

Основными категориями ашкеназских евреев, проживавших за чертой оседлости и, в частности, на территории казачьего войска зачастую нелегально, а также приезжающих на время, были купцы и ремесленники [26, 27]. Из списков высылаемых из Северного Кавказа евреев выясняется, что они происходили из черты оседлости, в основном, из Екатеринославской и Полтавской губерний. Зачастую их временное пребывание превращалось в постоянное. Так, ремесленники ежегодно могли продлевать свои документы и оставаться на территории Кавказа.

Одним из источников формирования еврейского населения во внутренних губерниях, в том числе и на Северном Кавказе, была военная служба после распространения рекрутской повинности на евреев в 1827 г. (по окончании 25 летней службы они обязаны были вернуться в черту оседлости) [28]. Известно, что, например, в Черноморский линейный батальон в 1850-х гг. набирали рекрут из евреев 18-25 летнего возраста из Виленской, Киевской, Подольской и других губерний черты еврейской оседлости [29].

Несмотря на нежелательность появления евреев на Северном Кавказе с точки зрения власти, к середине XIX в. сложились довольно устойчивые еврейские общины, о чем свидетельствует наличие синагог. Известно о существовании синагог, открытых в период с 1840-х – в начале 1860-х гг.: в слободе Хасав-Юрт синагога ашкеназских евреев была открыта в 1849 г. [30, с. 98], в Грозном – в 1863 г. [31, с. 101]. В Майкопе молитвенный дом функционировал с 1857 г. [32].

Наряду с самовольными переселенцами в Сибири в начале XIX в. появились административные и уголовные ссыльнопоселенцы, которые стали важным источником в формировании общины. Их водворение тут становилось пожизненным. Но эта мера не распространялась на их детей, которых надлежало высылать в черту оседлости либо записывать в кантонисты. В 1853 г. Сибирский комитет подтвердил высылку детей ссыльнопоселенцев из евреев, указав на то, что отправка должна проводиться в черту оседлости под конвоем [33. Стлб. 302].

Таким образом, с середины 1820-х гг. было положено начало правовой регламентации проживания евреев в отдельных регионах (Сибирь, Северный Кавказ). Формировавшееся во второй четверти XIX в. законодательство о праве на жительство носило преимущественно запретительный характер, что было связано с юдофобскими настроениями в окружении Николая I [34, с. 10].

Переломным моментом стало начало 1860-х гг. С одной стороны, 19 июля 1860 г. было официально опубликовано Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета о прекращении ссылки евреев на поселение в Сибирь [35? № 35922]. С другой стороны, появился ряд законодательных актов, которые открывали дорогу в Сибирь отдельным категориям еврейского населения. Это касалось, в частности, бывших кантонистов и их детей, а с 1865 г. и ремесленников, которые получили возможность повсеместного проживания. В 1870-е гг. в Сибирь начали переселяться лица, имевшие высшее образование, в первую очередь, медики и педагоги [36, № 42264]. Результатом реализации данных законов стал приток в провинцию квалифицированных технических кадров, медиков, адвокатов и пр.

Аналогичные процессы происходили и на Северном Кавказе. Мощная волна переселенцев из различных губерний Российской империи прибыла на территорию Кубанской, Терской областей, Ставропольской губернии, среди которых были и евреи. Либеральная политика правительства по отношению к евреям Российской империи совпала с изданием некоторых законов, «открывающих» Кубанскую и Терскую области и отдельные города на их территории для лиц не войскового сословия. Приписка евреев была ограничена: например, право оседлости в Екатеринодаре получали только те, кто приговорами городского общества признавался «полезным для города». Получившие приписку были обязаны остаться в Екатеринодаре на постоянное проживание, то есть возвести постройки на отведенных плановых местах, развести сады и огороды, или приобрести недвижимую собственность, в течение трех лет. В случае не выполнения этих требований они лишались льгот, заключавшихся в

освобождении на пять лет от платежа казенных податей, денежных городских и государственных повинностей [37].

После издания закона 29 апреля 1868 г. «О дозволении русским подданным невойскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск, не испрашивая согласия ни войскового начальства, ни городского или станичного общества» [38, № 45785] открылись широкие возможности заселения Кубани выходцами из внутренних губерний России и других мест.

Подобные мероприятия власти привели к тому, что в начале 1860-х гг. на имя Кавказского наместника стали приходиться прошения евреев ремесленников Кубанской и Терской областей о разрешении официальной приписки их в число обывателей городов Екатеринодара, Ейска, Владикавказа. Среди авторов прошений были евреи из различных городов черты еврейской оседлости: Керчи, Слонима, Бахчисарая и т. д. Нами подсчитано, что еврейское население казачьих областей Северного Кавказа в 1860-е гг. составило приблизительно 0,08%, как и в других районах за чертой оседлости [39, 40].

В начале 1860-х гг. местные власти Кубани и Терека обнаружили много проживающих нелегально евреев ремесленников. Зачастую администрация старалась прикрывать евреев ремесленников, не подтвердивших свое право на проживание, обосновывая это острой нехваткой профессиональных мастеров [41. Л. 6]. По этой причине местная власть делала первые попытки добиться исключений из закона для евреев ремесленников. В частности, начальник портового города Ейска отмечал в 1861 г.: «Городское начальство не решалось позволять евреям ремесленникам жительство в Ейске, т.к. в Черномории запрещалось проживание евреев. Но здесь большой недостаток в ремесленниках, и я бы дозволил им временное пребывание» [42. Л. 29]. В то же время начальник Терской области Д.И. Святополк-Мирский в обращении к начальнику главного управления Кавказского наместника просил учесть, что некоторые временно проживающие во Владикавказе евреи «своими торговыми оборотами способствуют благосостоянию города и могут иметь благотворное влияние на развитие промышленности среди городского населения» [43]. Поэтому он ходатайствовал о разрешении временно приписывать этих евреев к городу.

Вопрос о правовом положении евреев на Северном Кавказе рассматривался в конце 1850-х гг. в русле либеральной политики Александра II, Министр финансов А.М. Княжевич в 1858 г. подал в Еврейский комитет записку, в которой писал, что «еврей-капиталисты воспользуются предстоящими промышленными выгодами как для общего блага края, так и для улучшения материального и возвышения их нравственного их поведения» [44. Л. 7 об.]. Он предлагал разрешить постоянное проживание купцов евреев в городах Северо-Восточного побережья Черного моря. Он аргументировал это, с одной стороны, целью слияния еврейского населения с коренным и уравнения в правах, а во-вторых, «необходимостью развития торговли с Кавказским и Закавказским краем» [44. Л. 7 об.]. В течение нескольких лет собирались мнения разных сторон. Кавказский наместник А.И. Барятинский поддерживал разрешение евреям проживать на Кавказе, представляя тем самым и мнения местных атаманов [44]. Начальники казачьих областей поддерживали мнение, что в городах Кубанской и Терской областей Ейске, Темрюке, Владикавказе, в местах, занятых войсками, следует разрешить евреям купцам проживать и вести торговлю. В этих городах сильно ощущался недостаток ремесленников, и этот факт особенно подчеркивали местные власти [44. Л. 20 об.].

Не везде пребывание евреев признавалось полезным властью. Так, помощник начальника Кубанской области по управлению горцами не отрицал, что проживание евреев ремесленников среди горцев принесет пользу. Однако, по его мнению, евреи – это лица, «с которыми вообще неразлучны торгашество и мелкие плутни, и поселившись среди подведомственных мне горцев, могут обратить до конца простодушный народ, а, следовательно, нельзя ожидать пользы от их водворения» [44. Лл. 80-80 об.]. Подобное высказывание может свидетельствовать о распространении стереотипов среди чиновников.

Несмотря на наличие такого отзыва, в Главном управлении наместника Кавказского отмечалось, что причисление евреев к городам Северного Кавказа признается местной властью **единогласно** (выделено нами, Е. Н.) полезным [44]. В результате рассмотрения этого дела в Кавказском Комитете 13 ноября 1869 г. 266 семей евреев были приписаны к городам Кавказа и Закавказья. Это было сделано без дальнейшего внесения изменений в законодательство, ограничивавшее пребывание евреев во внутренних губерниях Российской империи [45. Л. 5]. Это вызвало многочисленные коллизии в процессе применения закона: с одной стороны, как обладающие статусом и приписанные к мещанским обществам, евреи имели права, данные всем представителям этих обществ, с другой – они были ограничены в правах как попадающие под действие антиеврейского законодательства. Так произошло, например, с торговыми правами евреев на Кубани и Тереке [46. Лл. 1-5].

В 1870-х гг. вопрос правового статуса евреев Кубани тесно переплетался с проблемой существования иудействующих. По закону 29 июля 1825 г. предписывалось «из уездов, в коих находится жидовская ересь, высылать всех вообще евреев без исключения» [11, № 30436]. В действительности это грозило проблемой недостатка ремесленников в 1860-х-1870-х гг., так как власти начали ревностно исполнять этот закон. Местной администрации приходилось периодически идти на уступки и разрешать отсрочку выселения евреев [47, с. 218 - 219].

Таким образом, реформы 1860–1870-х гг. внесли свои коррективы в формирование северокавказского и сибирского населения. У евреев появились легальные основания для водворения на этих территориях. Аналогичные процессы, приведшие к количественному росту местных общин, были характерны для различных районов Европейской части России, не входивших в черту оседлости [48].

В начале 1880-х гг. сибирские евреи оказались причастными к деятельности Высшей комиссии по пересмотру законов о евреях (так называемой комиссии Палена). К работе комиссии были привлечены чиновники министерств и крупнейшие меценаты Г. Гинцбург, С.С. Поляков. Через своих агентов Гинцбург представлял комиссии различные сведения. Но информация о положении еврейского населения в России поступала в этот орган и напрямую от местных «активистов» еврейской эмансипации.

Сибирские евреи решили воспользоваться ситуацией и напомнить о себе чиновникам в столице. Подобный шаг был связан с распространившейся в столице тенденцией признавать сибирские губернии чертой оседлости для проживавших тут евреев. В сентябре 1883 г. на имя графа Палена была направлена докладная записка енисейского купца 2-й гильдии Герши Скопа, в которой достаточно четко были обозначены пожелания местных евреев – на основании Устава о паспортах признать Сибирь местом постоянной оседлости [49. Л. 1-1 об.]. Законодательное закрепление этой нормы должно, по мнению заявителя, с одной стороны, исключить противоречие в нормативных актах, а с другой стороны, закрепить экономические права евреев, ибо до того момента «местное начальство стесняет нас в занятиях многих торговлей, промышленности, ... лишает нас средств к существованию» [49. Л. 3 об.].

Однако эта проблема осталась нерешенной, и уже на рубеже XIX–XX вв. Сибирь оказалась в уникальном положении: с одной стороны, регион по-прежнему оставался не включенным в черту оседлости, а с другой стороны, была создана персональная черта оседлости для каждого еврея. Подобное противоречие давало возможность местным властям для различной дискриминации еврейского населения.

В 1890-х гг. власть возвратилась к идее выселения евреев из сибирских губерний. Это привело к многочисленным кампаниям по выявлению лиц, не имевших право на жительство в регионе. Подобные кампании имели место во всех сибирских губерниях и проходили с завидной частотой.

На этом фоне вновь возник вопрос о черте оседлости для евреев Сибири. Местные чиновники в начале 1890-х гг. рассматривали в качестве черты оседлости место приписки по полицейскому учету. Это приводило к тому, что евреям было запрещено выезжать за пределы того населенного пункта, к обществу которого они были приписаны, не говоря уже о жительстве в другом населенном пункте.

Практика этого времени показывала, что евреи вели мобильный образ жизни, и значительная их часть проживала вне мест приписки. Это было связано с традицией приписки евреев к близлежащим крестьянским обществам, о которой мы писали выше. В результате с позиций полицейского учета евреи были сконцентрированы в нескольких анклавах (Томск, Мариинск, Каинск, Тобольск и др. города и ряд уездов). И на этом основании многие полицейские чиновники ежегодно рапортовали в губернское полицейское управление о том, что на их подконтрольной территории евреи не проживают. Однако в реальности евреи тяготели не к месту приписки, а к экономическим центрам, которые позволяли им получать доход.

Надо сказать, что этот период прошел под знаком ожидания «разрешения в законодательном порядке вопроса о жительстве евреев в Сибири». Это давало губернским и столичным чиновникам широкое поле для маневра. В 1901–1902 гг. последовали разъяснения Сената о применении в Сибири понятия «черта оседлости», «по которым в Сибири является специальной чертой оседлости еврея тот округ или уезд (выделено в тексте – В.Ш.), в котором он приписан» [50. Л. 4]. Подобное решение дало возможность многим евреям сохранить не только заработок, но и ту недвижимость, которой они успели обзавестись за время проживания вне мест приписки.

Аналогичные события происходили и на Северном Кавказе. До конца 1880-х гг. еврейское население не привлекало внимание власти. Однако в связи с пристальным вниманием к суботникам власти начали наблюдение за евреями. Был подготовлен закон, окончательно закрывавший казачьи области Северного Кавказа для пришлого еврейского населения. Согласно закону 18 июня 1892 г. [51, № 8745]. приписанные к местным мещанским обществам евреи должны были вернуться на места своей приписки, и могли отлучаться от этих мест только с особого разрешения полиции на время. Это вызвало разорение многих семей, которые обязаны были вернуться в места своей приписки в короткий срок, и, как следствие, изменение торгово-экономических отношений. Территория Кубанской и Терской областей стали своего рода внутренней чертой оседлости. Это проявилось в необходимости получения формального разрешения отлучиться из места своей приписки в другой населенный пункт. Именно наличие такой системы формальных разрешений на отлучку евреям их положение во многом было сходно с правовым статусом евреев в Сибири.

На территории Северного Кавказа несмотря на ужесточение политики по отношению к евреям еврейское население прибывало в этот регион. Кроме того, например, в Ставропольской губернии евреи играли значительную роль в местной торгово-экономической деятельности. В Кубанскую и Терскую область приезжали получившие высшее образование (юристы, врачи), ремесленники и т.д.

В начале XX в. Николай II продолжал проводить в отношении евреев ограничительную политику. Появившийся указ от 11 августа 1904 г. во многом подтверждал ущербность положения еврейского населения в Российской империи. Деятельность правительства Столыпина не изменила существовавшего порядка. Можно в полной мере согласиться с исследователями, которые утверждают, что «еврейская политика» Столыпина никакого улучшения жизни евреям не принесла, а в ряде моментов ужесточила антиеврейские законы».

Заключение

Таким образом, вплоть до Февральской революции 1917 г. еврейский вопрос не был решен. 20 марта 1917 г. Временное правительство приняло постановление, подготовленное министром юстиции А. Керенским при участии членов Политического и информационного бюро при евреях-депутатах 4-й Государственной думы, которым отменялись все «ограничения в правах российских граждан, обусловленные принадлежностью к тому или иному вероисповеданию, вероучению или национальности» [52]. По просьбе Политического и информационного бюро при евреях-депутатах 4-й Государственной думы евреи в постановлении отдельно не упоминались, однако в него вошел перечень статей российских законов, утративших силу с принятием этого постановления. Почти все эти статьи содержали те или иные антиеврейские ограничения. Отменялись все запреты, связанные с существованием черты оседлости.

Законотворчество XIX – начала XX в. относительно еврейского населения как Северного Кавказа, так и Сибири не имело общей тенденции и меняло свой характер от консервативного к либеральному в зависимости от государственной национальной политики.

На лицо противоречивость общеимперского законодательства и законов, направленных на регулирование правового положения евреев. Определяющую роль как в законотворчестве, так и в правоприменении сыграла экономическая составляющая. Представителям власти зачастую необходимо было выбирать: принимать решение в сторону соблюдения буквы закона или экономической целесообразности. В результате ограничительной политики в отношении евреев Северного Кавказа и Сибири эти территории в конце XIX-начале XX вв. представляли собой своего рода «внутреннюю черту оседлости», отлучиться за пределы которой евреи без особого разрешения не имели права.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №15-18-00062) в Санкт-Петербургском государственном университете.

Примечания:

1. Кирей Н.И. Евреи Краснодарского края. Бюллетень: Антропология, Меньшинства, Мультикультурализм. 2000. №. 2. 134-144.
2. Казачек Е. Евреи Кубанской области в XIX-XX веках: историко-культурный аспект // Грани. Краснодар, 2002. С. 101-116.
3. Колесов В. И. Сталинский религиозный «ренессанс» и история общин иудейского вероисповедания в Краснодарском крае // *Historia Caucasica*. Вып. 3. Краснодар, 2004. С. 23-30.
4. Марков В. Н. Евреи Кубанской области (вторая половина XIX-начало XX вв.): дис.... канд. ист. наук. Майкоп, 2007.
5. Коваленко В. Ю. Евреи в хозяйственной, политической и социальной жизни российской провинции в конце XIX-первой трети XX веков (на материалах Ставрополя и Кубани): дис... канд. ист. наук. Ставрополь, 2009.
6. Савиных М.Н. Законодательная политика Российского самодержавия в отношении евреев во второй половине XIX – начале XX вв. Омск, 2004.
7. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 41. Оп. 1. Д. 5.
8. Полное собрание законов Российской империи. Издание I (далее ПСЗ-I). Т. XXVIII.
9. РГИА. Ф. 383. Оп. 29. Д. 841.
10. РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 401.
11. ПСЗ-I. Т. XL.
12. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф.249. Оп. 1. Д. 1224.
13. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 639.
14. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1224.
15. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 1133.
16. Шайдунов В.Н. К вопросу о формировании еврейской общины Сибири в дореформенный период // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 4 (52). Т. 1. С. 104–110.
17. РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 2728.
18. РГИА. Ф. 1286. Оп. 6-1836 г. Д. 327.
19. Там же. Ф. 1264. Оп. 1. Д. 260.
20. Гольдин С. Еврей как понятие в истории имперской России / Понятия о России. Т. 2. М., 2012.

21. РГИА. Ф. 1286. Оп. 5. Д. 438.
22. Полное собрание законов Российской империи. Издание II (далее ПСЗ-II). Т. X.
23. ПСЗ-II. Т. XII.
24. ПСЗ-II. Т. XIX.
25. ПСЗ-II. Т. XXIII.
26. ГАКК. Ф. 252. Оп. 1. Д. 1135.
27. ГАКК. Ф. 670. Оп. 1. Д. 21.
28. Петровский-Штерн. Й. Евреи в русской армии: 1827-1914. М., 2003.
29. ГАКК. Ф. 260. Оп. 1. Д. 1081.
30. Сведения об еврейских синагогах и молитвенных домах, имеющих в Хасав-Юртовском округе. Не ранее 23 мая 1877 г. // История горских евреев Северного Кавказа в документах (1829-1917). Нальчик, 1999.
31. Рапорт начальника Грозненского округа канцелярии начальника Терской области о наличии еврейских молитвенных домов в Грозном. 18 июля 1877 г. // История горских евреев Северного Кавказа.
32. САНЖР. RU1272 (Оригинал: РГИА. Ф. 1565. Оп. 1. Д. 284).
33. РГИА. Ф. 1265. Оп. 13. Д. 12.
34. Кальмина Л.В. Сибирская «еврейская» политика графа Блудова // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Материалы VII регион. науч.-практ. конф. (21–22 авг. 2006 г.). Красноярск; Кемерово, 2006. С. 3–11.
35. ПСЗ – II. Т. XXXV.
36. ПСЗ – II. Т. XL.
37. Бондарь В. «На общем праве городов империи...»: переход Екатеринодара к общероссийскому городскому устройству (1850-1860-е годы) // Культурная жизнь Юга России. 2009. № 4 (33). С. 49.
38. ПСЗ – II. Т. XLIII.
39. Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. Серия I. Отд. II. Население Европейской России по вероисповеданиям. С. 34-37.
40. Статистический временник Российской империи. СПб., 1871. Серия II. Отд. IX. Население Азиатской России по вероисповеданиям. С. 102-105.
41. ГАКК. Ф. 252. Оп. 2. Д. 961.
42. ГАКК. Ф. 454. Оп. 1. Д. 363.
43. Канукова З.В. Евреи на Северном Кавказе // Кавказский сборник. М., 2007. Т. 4(36). С. 254.
44. ГАКК. Ф. 452. Оп. 1. Д. 363.
45. РГИА. Ф. 1286. Оп. 30. Д. 279.
46. ГАКК. Ф. 454. Оп. 7. Д. 1581.
47. Черный И. Путешествие по Кавказскому и Закавказскому краю (иврит). СПб., 1884.
48. Акиншин А.Н. Еврейская община в Воронежской губернии во второй половине XIX – XX веке // Исторические записки. Научные труды исторического факультета. Воронеж, 2001. С. 22 – 44.
49. РГИА. Ф. 821. Оп. 9. Д. 207.
50. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 76а. Д. 2077.
51. ПСЗ – III. Т. XII.
52. Черта оседлости // <http://www.eleven.co.il/article/14679> (Электронный ресурс. Режим доступа 7.06.2013 г.).

References:

1. Kirey N.I. Jews of Krasnodar area // Bulletin: Anthropology, Minorities, Multiculturalism. 2002. No 2. Pp. 134-144.
2. Kazachek E. Jews of the Kuban area in the 19th – 20th centuries: historical cultural aspect // Grani. Krasnodar. 2002. Pp. 101-116.
3. Kolesov V.I. Stalin's religion renaissance and history of Judaic communities in Krasnodar territory // Historia Caucasica. Issue 3. Krasnodar, 2004. Pp. 23-30.
4. Markov V.N. Jews of Kuban area (the second half of the 19th - beginning of the 20th centuries). PhD dissertation. Maykop, 2007.
5. Kovalenko V.Y. Jews in economic, political and social life of the Russian provinces at the end of the 19 – the first third of the 20th centuries (by materials of Stavropol'ye and Kuban). PhD dissertation. Stavropol', 2009.
6. Savinykh M.N. Legislation policy of the Russian autocracy towards Jews at the second half of the 19th- - beginning of the 20th centuries. Omsk. 2004.
7. Russian State Historical Archive (RGIA). F. 41. Op. 1. F. 5.
8. Full Collection of Laws of the Russian Empire. Ed. 1.Vol. XXVIII. 21547.
9. RGIA. F. 383. Op. 29. F. 841.
10. RGIA. F. 1263. Op. 1. F. 401.
11. PSZ.-I. Vol. XL.

12. State Archive of Krasnodar Area (GAKK). F. 249. Op. 1. F. 1224.
13. GAKK. F. 252. Op. 1. F. 639.
14. GAKK. F. 249. Op. 1. F. 1224.
15. GAKK. F. 249. Op. 1. F. 1133
16. Shaydurov V.N. To the problem of genesis of Jewish community of Siberia in pre-reform period // Bulletin of Kemerovo State University. 2012. No 4 (52). Vol. 1. Pp. 104-110.
17. RGIA. F. 468. Op. 23. F. 2728.
18. RGIA. F. 1286. Op. 6 – 1836g. F. 327.
19. RGIA. F. 1264. Op. 1. F. 260
20. Goldin S. Jew as concept in the history of Imperial Russia / Concepts on Russia. Vol. 2. Moscow, 2012.
21. RGIA. F. 1286. Op. 5. F. 438.
22. PSZ-II. Vol. X.
23. PSZ-II. Vol. XII.
24. PSZ-II. Vol. XIX.
25. PSZ-II. Vol. XXIII.
26. GAKK. F. 252. Op. 1. F. 1135.
27. GAKK. F. 670. Op. 1. F. 21. L. 18.
28. Petrovsky-Shtern J. Jews in the Russian Army: 1827-1914. Moscow, 2003.
29. GAKK. F. 260. Op. 1. F. 1081.
30. Evidence about Jewish synagogues and prayers' houses in Khasav-Yurt area. 23th May 1878 // History of Mountain Jews of the North Caucasus in the documents (1829-1917). Nalchik, 1999. P. 98.
31. Report of the Head of Groznyi area to the Head of Terskaya territory about Jewish prayers' houses in Grozny. 18th July 1877 // History of Mountain Jews of the North Caucasus in the documents (1829-1917). Nalchik, 1999. P. 101
32. CAHJP (Original: RGIA. F. 1565. Op. 1. F. 284).
33. RGIA. F. 1265. Op. 13. F.12.
34. Kal'mina L. V. Siberian Jewish Policy of Bludov// Jews in Siberia and Far East: history and modern times. Krasnoyarsk, Kemerovo, 2006. pp. 3-11.
35. PSZ-II. Vol. 35. Part 1.
36. PSZ-II. Vol. 40. Part 1.
37. Bondar V. "On the common right of the cities of imperia": transition of Ekaterinodar to common Russian city construction (1850-s-1860-s) // Culture and life of the South of Russia. 2009. No 4 (33). P. 49.
38. PSZ-II. Vol. XLIII.
39. Statistic bulletin of the Russian Empire. St. Petersburg, 1866. Part II. The population of European part of Russia in religion. Pp. 34-37.
40. Statistic bulletin of the Russian Empire. St. Petersburg, 1871. Part IX. The population of the Asian part of Russia. Pp. 102-105.
41. GAKK. F. 252. Op. 2. F. 961. L. 5.
42. GAKK. F. 454. Op. 1. F.363. L. 29.
43. Kanukova Z. V. Jews on the North Caucasus// Caucasian bulletin. M., 2007. Vol. 4 (36).
44. GAKK. F. 452. Op. 1. F. 363.
45. RGIA. F. 1286. Op. 30. F. 279.
46. GAKK. F. 454. Op. 7. F. 1581.
47. Cherniy Y. Travel to Caucasian and Trans-Caucasian territory. St. Petersburg, 1884.
48. Akin'shin A. N. Jewish community in Voronezh gubernia at the second half of the 19th- 20th centuries// Historical notes. Voronezh, 2001. Pp. 32-44
49. RGIA. F. 821. Op. 9. F. 207.
50. State Archive of Russian Federation (GARF). F. 102. Op. 76a. F. 2077.
51. PSZ-III. Vol. XL. No 8745.
52. The Pale of Settlement //http. //www .eleven.co. il/article/14679 (electronic resource).

УДК 94

Закон, имперская бюрократия и евреи в XIX – начале XX в.

¹ Владимир Николаевич Шайдуров

² Екатерина Сергеевна Норкина

¹ Национальный минерально-сырьевой университет "Горный", Российская Федерация
кандидат исторических наук, доцент

² Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация
Кандидат исторических наук

Аннотация. История региональных еврейских общин в Российской империи в XIX – начале XX в. вызывало до настоящего времени изучена крайне неравномерно. Существуют темы, которые в русской, израильской, американской иудаике изучены мало. Северный Кавказ и Сибирь не входили в черту оседлости. Правовой статус евреев, которые проживали в сибирских губерниях, имел свою специфику. Разногласия в общероссийском и региональном законодательстве негативно отражались на жизни и деятельности местных еврейских общин. Законы не только определяли разрешенные места проживания евреев, но и те сферы экономики, в которых они могли работать. Законотворчество XIX – начала XX в. относительно еврейского населения Сибири и Северного Кавказа имело общие тенденции и меняло свой характер от консервативного к либеральному в зависимости от государственной национальной политики. В данной статье мы рассмотрим на конкретных примерах динамику развития российского законодательства относительно евреев Сибири и Северного Кавказа в XIX – начале XX в. Статья основана на материалах архивов и законодательных актах.

Ключевые слова: евреи, Сибирь, Северный Кавказ, законодательство, черта оседлости, сегрегация, выселение, субботники.